

Сон пациентки об Афине

Еще один пример использования мифа как способа найти себя — случай с Урсулой, не так давно разменявшей четвертый десяток, которая училась в Голливуде и снялась в нескольких фильмах. Она ранее уже дважды проходила достаточно длительные курсы психотерапии, но, несмотря на хорошо складывавшиеся отношения с аналитиками, ее психологические расстройства никуда не уходили. Она ощущала неспособность даже выйти из дома одной (к моему кабинету для проведения сессии ее доставлял нанятый водитель), а факт того, что она не могла заставить себя ходить на танцы, посещать вечеринки или премьерные спектакли на Бродвее, в которых участвовал ее муж, тревожил ее очень сильно. Она страдала от того, что она лесбиянка, в чем сама себя убедила (это оказалось совсем не так), и что ни разу за всю жизнь не достигла удовлетворения при сексуальных контактах с мужчинами.

В течение первого месяца психоаналитической работы в конце отведенного ей часа она часто спрашивала меня: «Как вы думаете, я смогу преодолеть эти проблемы?» На что я обычно отвечал в духе: «Вы сможете, если по-настоящему захотите этого». Подобные ответы всегда немедленно приводили ее к вспышкам гнева. Действительно, я что, не понимаю, что она бы не проделывала эти изматывающие поездки ко мне, если бы на самом деле не стремилась устранить эти свои блоки?

Ближе к концу первого месяца психотерапии она рассказала о том, что ей приснилось:

У меня оказался рассеченным лоб. Я поискала, чем бы себя перевязать. Смогла найти только прокладки «Котекс». Наложила одну из них на порез. Теперь все в порядке, если вы ничего не имеете против.

Ее ассоциации с этим сном сводились к тому, что порез соотносился с ее визитами ко мне; мы «врезаем» ее голову и проникаем внутрь. Так как рана локализовалась на лбу, то это могло означать, что она склонна к размышлениям и интеллектуальным разговорам, что мы и так знали, но это не мешало нам работать достаточно

продуктивно. Прокладка «Котекс», вероятно, отчасти означала ее стремление сексуально обольстить меня, но оно не достигало такого уровня, чтобы быть препятствием и причинять какое-либо беспокойство. Остальные ассоциации с «Котексом» несли в себе смысл, связанный с произведением потомства: так как «Котекс» используется во время менструации, то она может родить ребенка (это могло свидетельствовать о ее ожидании позитивных результатов нашей терапии, однако я тогда посчитал, что еще слишком рано как-либо сообщать ей это). Оговорка «если вы ничего не имеете против» выглядела просто показателем «хорошего воспитания» человека среднего класса.

Но разве это все?

Ни в коем случае! В этом сне заключался древний миф, являвшийся, по моему мнению, более важным моментом, чем все, о чем до сих пор было сказано. Это история о рождении Афины, которая явилась из головы Зевса уже в полном вооружении. Именно рождение Афины было андрогинным; у нее не было матери, и считалось, что именно это наделило ее способностью быть беспристрастным судьей в последней части великой трилогии Эсхила «Орестея», что знаменует начало человеческой цивилизации.

На первый взгляд этот миф, таившийся во сне, мог означать, что мне как психотерапевту приписывается значение Зевса, что на короткое время могло польстить моему самолюбию. Но стоп: рана, порез был на ее лбу — не на моем. Поэтому именно она становилась на место царя богов и свершителя чудес! Я мог ощущать некую конкуренцию, ибо в моем кабинете вдруг очутился Зевс, готовый разродиться новым существом.

Миф из этого сна дал мне еще две подсказки, которые были важны в аналитической работе. Во-первых, он давал ощущение силы и откровенной решительности по отношению к рождению ребенка, а все это в свою очередь давало мне надежду на хороший прогноз: была большая вероятность того, что Урсула сможет контролировать свой невроз (что она и сделала). Во-вторых, он дал мне понять, что мои слова «если по-настоящему захотите этого» в ответ на каждый ее вопрос о своих перспективах оказались очень кстати, а те мимолетные вспышки гнева после каждого такого моего ответа становятся объяснимыми, если принять во внимание

ее тайную (и, вероятно, неосознанную) цель — оказаться главным из богов, нанести мне поражение точно так же, как, возможно, она «победила» двух других психотерапевтов, с которыми общалась до меня. Вероятно, их ошибкой, как я для себя предположил, было то, что они целиком взяли на себя ответственность за успех ее лечения, а поэтому у нее не возникло необходимости продираться сквозь свой собственный «ад».

Читатель может задаться вопросом: а что, если пациенты — совсем простые люди, которые никогда не читали о греках или каких-либо других классиках? В то время как эта женщина была действительно в высшей степени интересной и с ней было увлекательно работать, неверным было бы считать, что она на сознательном уровне знала о существовании этого мифа. Насколько я могу догадываться, она его не знала. Это демонстрирует, что человеку необязательно специально читать мифы — миф не нуждается в этом. *Мифы — это архетипические модели в человеческом сознании*, как указывали Джозеф Кэмпбелл и другие специалисты. Мы все рождаемся от матери, и все умираем. Мы все занимаемся сексом или лишены этого. Мы работаем или уклоняемся от работы и т. д. Величайшие драматические произведения вроде «Гамлета» носят мифический характер в том смысле, что они живописуют экзистенциальные кризисы в жизни каждого человека. Нам не избежать признания того предположения, что миф и самоосознание являются в некоторой степени синонимами. Там, где присутствует самосознание, присутствует и миф. Сны и мечты, суть которых выражается мифом об Эдипе и которые навеваются превратностями жизни в семье, где присутствуют трое (отец, мать и ребенок), могут приходиться к человеку независимо от того, читал он эту классическую драму или нет.

Юнг пишет: «Негру из южных американских штатов сняты сюжеты по мотивам греческой мифологии, а подмастерье швейцарского бакалейщика в своем психозе повторяет видение египетского гностика»¹.

¹ Archetypes of the Collective Unconscious (Princeton: Bollinger Press, 1959), p. 50.

Мифы, как утверждает Юнг, это оригинальные откровения предсознательной психики. Они — произвольные утверждения о том, что бессознательно происходит в психике. «Они являются психической жизнью первобытного племени, которое бы мгновенно распалось на части и разложилось в результате потери своего мифологического наследия, подобно человеку, потерявшему свою душу». Этот швейцарский психолог соглашается со многими другими авторитетными специалистами в том, что тревожащая бедность символов является тем условием, в рамках которого теперь протекают наши жизни¹.

Юнг полагает, что поэты общаются с той реальностью, которая лежит за пределами восприимчивости рассудка; они знают, что открыли для себя или в себе «духов, демонов и богов». Самый глубокий уровень бессознательного, пишет Юнг, может быть раскрыт только через миф и ритуал. Он рассматривает мифы в качестве необходимых промежуточных звеньев между человеческим духом и реальной природой человека. Из этой теории вытекает понятие архетипов как выражений коллективного бессознательного.

Каждый из нас благодаря «встроенным в себя» мифическим моделям участвует в этих архетипах. Они являются структурой человеческого существования. Совершенно необязательно быть большим ученым, чтобы подвергаться их воздействию. Необходимым условием является лишь экзистенциальное участие в человеческой жизни. «Я уже писал, что мифы приходят в голову человеку без его ведома», — говорит Леви-Стросс. «Для меня он [миф] описывает реально пережитое»². Сны — это переложения *общественных* мифов, в которых мы все являемся участниками, в личную жизнь отдельного человека.

Первым из таких экзистенциальных кризисов, безусловно, является само *рождение*. Каждый из нас появился на свет под фанфары (или без них), хотя в то время мы еще ничего не осознавали. И каждый из нас позднее придает своему рождению некое значение, гораздо большее, чем просто факту. Рождение героев

¹ Ibid, p. 512.

² Claude Levi-Strauss. «Myth and Meaning» (New York: Schocken Books, 1979), p. 3.

часто сопровождается видимыми специфическими явлениями, как описывает это Отто Ранк в своей книге «Миф о рождении героя». Дочь фараона обнаружила Моисея в маленькой кроватке, плавающей в зарослях нильского тростника. Иисус был рожден девственницей в момент, когда на востоке вспыхнула звезда. Эдип был изгнан и обречен на гибель в дикой природе сразу же после рождения. Мы все оглядываемся назад, радуемся своему рождению или ненавидим этот факт, а может — оказываемся озадачены им; или выказываем миллион различных реакций, все многообразие которых может охватить только миф.

Другой кризис наступает в возрасте пяти-шести лет. Он выражается в эдипальной тоске, которая ощущается как тяга к родителю противоположного пола. Этому соответствует миф о царе Эдипе. С наступлением пубертата, где-то примерно в двенадцать лет или немного позже, мы открываем для себя мифы, выраженные в целом наборе ритуалов, связанных с тем, что мальчики постепенно становятся мужчинами, а девочки — женщинами. Эти мифы выливаются в обряды *конфирмации* в христианской церкви, *бар-мицвы* в иудаизме или в языческие действия американских индейцев, когда мальчики становятся воинами, а девочки — женщинами, способными рожать детей.

Следующий экзистенциальный кризис развития связан со стремлением подростка утвердиться в качестве независимого субъекта, что нашло свое отражение в древнегреческой классике — в «Орестее». В античной ли интерпретации Эсхила или в современной — Сартра или Джефферса, миф об Оресте является центральной точкой кризиса, которым отмечена жизнь подростка. Она известна как борьба героя за свободу от биологических уз, связывающих его с матерью и отцом.

Затем следует кризис любви и брака с нескончаемо распространяющимися мифами об Афродите, Эросе, Психее и т. д. Экзистенциальный кризис, связанный с *работой*, отражен в мифе о Сизифе, который мы обсудим в разделе «Великий Гэтсби». Наконец, когда мы готовимся к уходу из этого мира, нас захлестывают волны многочисленных мифов, относящихся к этому экзистенциальному кризису. Не самыми последними из них являются данные Данте описания величия и очарования встреч с умершими друзьями и зна-

комыми в аду (см. главу 9). Нам кажется абсолютно невозможным расстаться с нашими близкими или с кем-то ненавистным, поэтому мы придумываем нескончаемые наказания для наших врагов и блаженства для наших друзей в бесконечных будущих жизнях.

Как замечательно написал ныне покойный профессор Гилберт Хайет, известный классицист Колумбийского университета:

Основным ответом является то, что мифы перманентны. Они — о важнейших из важных проблем, о тех, которые никогда не меняются, так как не меняются мужчины и женщины. Они — о любви; о войне; о грехе; о тирании; о мужестве; о судьбе; и они все так или иначе связаны с отношением человека к тем божественным силам, которые иногда бывают жестокими, а иногда, увы, справедливыми¹.

Неправда, что старые мифы либо умирают, либо чахнут и отходят на второй-третий план. Тот факт, что каждое осознающее само себя существо должно каким-то образом иметь дело с этими кризисами, является одним из аспектов бесконечности, к которой причастны мифы. Каждое последующее поколение заново интерпретирует мифы с целью найти соответствие между ними и новыми аспектами жизни и культурными потребностями. Великая «Орестея» имеет свои истоки в древнегреческой, еще догомеровской поэзии; эта история была заново осмыслена и интерпретирована Эсхилом как миф о молодом человеке, преодолевающим трудности в борьбе за право стать мужчиной и отождествить себя с отцом. Громадная вина Ореста, убившего свою мать, за которую его преследовали и доводили до временного помешательства фурии, получение им прощения на знаменитом суде в Афинах, где человеческие справедливость и правосудие нашли поддержку со стороны божественной силы, — все это встает на свои места.

От результата этого процесса в «Орестее» зависит судьба всей цивилизации, так как в этом глубоко символическом акте свершения правосудия судьями являются не боги, а люди. Мужчины и женщины с этого момента должны взять на себя ответственность за свою

¹ *Highet*. «The Classical Tradition: Greek and Roman Influences on Western Literature» (New York: Oxford University Press/Galaxy Books, 1957), p. 540.

цивилизацию. Этот миф говорит нам о том, что сегодня именно нашей является ответственность и за парниковый эффект, и за другие угрозы нашему существованию на земле.

Сартр и «Мухи»

Обратимся к тому, как Сартр использовал античную драму об Оресте, которая, безусловно, является историко-культурным сокровищем и находится в ряду самых выдающихся творений человека. Можно подумать, что в наше «постфрейдистское» время, когда вопросы психологии подросткового возраста исследуются и обсуждаются без конца, драматическая история об Оресте будет интересна только как классический артефакт. Но это неправильное представление. Когда Жан-Поль Сартр почувствовал потребность в написании современной драмы для того, чтобы обратиться к французам, находившимся в отчаянии после оккупации Парижа немцами во время Второй мировой войны, он решил использовать античную историю об Оресте.

Париж в то время, можно сказать, страдал под игом нацистских завоевателей; немецкие офицеры ходили вокруг театра строевым шагом.

Сартр написал свой вариант драмы Эсхила, дав ему название «Мухи». Декорацией к драматической пьесе является бронзовая статуя Зевса, нависающая над сценой.

Жители Аргоса¹ предаются болезненному чувству вины. Орест у Сартра — семнадцатилетний юноша, появляющийся на сцене вместе со своим другом Пилосом². В этом плане он является копией героя драмы Эсхила.

Но с этого момента Сартр начинает развивать свою интерпретацию античного мифа. Он делает так, что Орест вступает в спор с Зевсом, бывшим в пьесе до того только бронзовой статуей в глу-

¹ В этом контексте древние города Аргос и Микены рассматриваются как синонимы.

² У автора этот друг зовется Pylos, в русских переводах этого древнего мифа его имя Πυλάδης — Пиладис или Пилад. — *Примеч. пер.*